

94 (477.75): 18

ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Кравчук А. С.

*Таврический университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: alexandrkravchuk@ukr.net*

На основе формулярных списков и других источников восстановлены основные карьерные вехи таврических губернаторов первой половины XIX века. Проведен анализ логики их назначений. Рассмотрены причины увольнения или перевода губернаторов на другие должности. Показано двойственное положение высшего административного лица Таврической губернии. Являясь чиновником Министерства внутренних дел, правитель Тавриды был непосредственным подчиненным Бессарабского, а позже Новороссийского, генерал-губернатора. Такое положение способствовало скорейшему решению дел, но вызывало ряд затруднений, связанных с разграничением полномочий и увеличением отчетной документации. Показана роль личностных взаимоотношений губернатора с генерал-губернатором. Последний из чиновников, часто участвовал в подборе кандидатов на главный пост в губернии. Проведен сравнительный анализ уровня подготовки Таврических губернаторов со средними показателями по всей империи. Практика показывает – часто назначаемые на столь высокую административную должность не имели должного уровня подготовки.

Ключевые слова: Таврическая губерния, таврический губернатор, Г. П. Милорадович, Д. Б. Мертваго, А. М. Бороздин, А. С. Лавинский, А. Н. Баранов, Н. И. Перовский, Д. В. Нарышкин.

Одной из важнейших проблем исследования губернаторского корпуса Российской империи, является логика назначения чиновников на пост губернатора и эффективность их деятельности. Для изучения этой проблемы необходимо провести глубокое изучение личностей губернаторов, их количественно-качественный анализ. Одним из важнейших источников информации для подобного исследования служат формулярные списки губернаторов. Эта категория источников содержит информацию об основных вехах карьеры государственных служащих, их социальном происхождении, вероисповедании, звании, пребывании в отпусках или отставке, семейном положении, нахождении под судом или взыскании штрафов, награждениях, поощрениях и выговорах, участии в военных компаниях, имущественном положении.

Формулярные списки появились благодаря указу 31 января 1764 г. «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников чрез каждые полгода по приложенной форме» [17]. После этого формуляры становятся основным документом, в котором фиксировалась служебная деятельность государственных служащих. Впервые к этой группе источников обратились досоветские исследователи, занимавшиеся изучением жизни и деятельности наиболее выдающихся деятелей Российской Империи. В советской историографии их активно использовали в своих работах П. А. Зайончковский [7, с. 9–10], С. М. Троицкий [30], Н. П. Ерошкин [6]. Систематический анализ с использованием ЭВМ впервые был проведен С. В. Мироненко совместно с И. Н. Киселевым [11]. Из современных ра-

бот в этом направлении стоит выделить исследования В. А. Иванова [9] и Л. М. Лысенко [13].

В изучаемый нами период – от создания губернии 8 октября 1802 г. и до начала Крымской войны 1853–1856 гг. – должность губернатора занимало 11 человек: Григорий Петрович Милорадович (13 декабря 1802 – 2 августа 1803 гг.), Дмитрий Борисович Мертваго (26 декабря 1803 – 28 октября 1807 гг.), Андрей Михайлович Бороздин (2 ноября 1807 – 20 июля 1816 гг.), Александр Степанович Лавинский (20 июля 1816 – 28 декабря 1819 гг.), Александр Николаевич Баранов (28 декабря 1819 – 19 апреля 1821 гг.), Николай Иванович Перовский (25 февраля 1822 – 16 октября 1823 гг.), Дмитрий Васильевич Нарышкин (16 октября 1823 – 17 апреля 1829 гг.), Александр Иванович Казначеев (17 апреля 1829 – 13 февраля 1837 гг.), Матвей Матвеевич Муромцов (22 февраля 1837 – 19 января 1843 гг.), Виктор Яковлевич Рославец (19 января 1843 – 22 января 1845 гг.), Владимир Иванович Пестель (22 января 1845 – 11 ноября 1854 гг.) [5, с. 284–285].

Анализ губернаторского корпуса Российской Империи показывает, что традиционно губернаторами назначались лица, имеющие чин не ниже четвертого класса по «Табели о рангах», которому соответствовали действительный статский советник и генерал-майор. В большом количестве встречаются чины третьего класса – тайные советники и генерал-лейтенанты. Реже – чины второго класса – действительные тайные советники и полные генералы. Вместе с тем, в отдельные периоды встречались и исключения из правил – губернаторами, а чаще исполняющими обязанности губернаторов, определялись чиновники пятого класса – статский советник и полковник.

Обращаясь к назначениям в Таврической губернии, следует отметить, что трое из губернаторов были назначены в должность в ранге статского советника – это Н. И. Перовский, А. И. Казначеев, М. М. Муромцов. Пятеро в звании действительного статского советника – Д. Б. Мертваго, А. С. Лавинский, А. Н. Баранов, Д. В. Нарышкин, В. Я. Рославец. В. И. Пестель был назначен в звании генерал-майора. Один тайный советник – Г. П. Милорадович. Его назначение было вызвано необходимостью административного строительства в губернии, сразу после ее образования. Г. П. Милорадович имел большой опыт организации работы различных ведомств, что называется «с нуля». А. М. Бороздин был назначен в звании генерал-лейтенанта.

В годы правления Александра I сохранились тенденции, которые начали проявляться в начале века при Павле I, когда все главы губерний имели гражданские чины и именовались гражданскими губернаторами. Проведя ликвидацию института генерал-губернаторов и наместников, а также чистку среди екатерининских губернаторов, Павел I сделал ставку на гражданские чины. Существенно возросло число губернаторов имевших чин тайного советника и выше. Александр I в целом продолжал политику своего предшественника в этой области. Только к 1825 году появилась небольшая прослойка военных чинов (около 5%) среди губернаторов. Однако при Александре I резко понизилось число чиновников III и II классов (действительных тайных советников и тайных советников) в корпусе губернаторов: с 35 % в 1803 г. до 2,7% в 1825 г [13]. Последний показатель стал выражени-

ем кризиса местной системы власти, приведший к нежеланию родовитых дворян служить губернаторами.

В изучаемый период времени гражданская служба вообще не пользовалась популярностью, клички «приказный», «чернильная душа», «крапивное семя» и т. п., употреблялись со времени А. П. Сумарокова и Д. И. Фонвизина и наглядно свидетельствуют о пренебрежительном отношении к людям, которые осуществляли государственное управление. Для дворянина вступление в ряды чиновников считалось неуместным и взгляд этот поддерживался иногда указаниями высших правительственных лиц [3, с. 15]. Министр внутренних дел В. П. Кочубей отмечал в своей докладной записке от 28 марта 1806 г.: «... может ли быть удивительно, что звание начальников губерний столь мало ныне уважается и что люди благонамеренные и способные не только не ищут сих мест, но даже и те, кто теперь их занимают, часто покушаются их оставить» [28, с. 3–4].

Во время правления Александра I большая часть чиновников прошла Отечественную войну 1812 года и уже после 1815 г. именно из числа выдвинувшихся на войне черпались кадры правительственного аппарата. Многие молодые генералы стали членами Государственного совета, министрами и губернаторами. Это подтверждают данные о количестве чиновников, принимавших участие в сражениях. Обработка сведений формулярных списков за 1825 г. свидетельствует, что 42,1% высшей бюрократии в прошлом были участниками военных действий [11]. Все таврические губернаторы кроме В. Я. Рославца состояли на военной службе хоть какое-то время.

Первый губернатор – Г. П. Милорадович в 8 лет был записан в первый Гренадерский полк сержантом. В 1774 г. числился адъютантом, а в 1779 г. поручиком в Рижском пехотном полку, позже ординарцем у графа П. А. Румянцева-Задунайского. После окончания учебы за границей, получил звание капитана и был определен в Курский пехотный полк 24 ноября 1781 г. Военная служба продолжалась недолго, уже в 1786 г. получил увольнение по состоянию здоровья в чине майора [15, с. 95–96].

Приемник Григория Петровича на должности таврического губернатора – Д. Б. Мертваго начал военную службу в Преображенском полку. Вот что он написал по этому поводу в своих мемуарах: «[...] в 1775 году записали меня унтер офицером в гвардию и прислали паспорт на два года. В начале 1777 г. я должен был явиться в Петербург» [14, с. 41]. В 1779 г. он получил звание каптернамуса, через год – сержанта [20, л. 14–15]. С 1782 по 1797 продолжал службу по гражданскому ведомству, поступил членом Провиантской экспедиции в звании военного советника. Это звание присваивалось гражданским чиновникам во время службы в военном ведомстве. После отставки с поста таврического гражданского губернатора с 1807 по 1810 гг. был генерал-провиантмейстером. Это была одна из высших воинских должностей в Российской императорской армии.

А. М. Бороздин начал службу в 1773 году каптернамусом в Семеновском полку. Участник военных походов 1773 г. в Молдавию, Валахию и за Дунай. Участвовал в 1789 г. во взятии Аккермана и Бендер. В 1784 г. получил звание прапорщика, воевал против шведов в 1789 и 1791 гг., в 1796 г. получил звание полковника. Вышел из

гвардии с получением звания генерал-майора, 5 марта 1798 г. был назначен шефом Троицкого мушкетерского полка, 5 февраля 1800 г. получил звание генерал-лейтенанта. Был уволен с военной службы по собственному прошению с ношением мундира 28 октября 1804 г. Во время войны с французами в 1806 г. служил поветовым начальником под руководством князя А. А. Прозоровского в киевской милиции, Чигиринского повета [24, л. 2–4].

Четвертый губернатор – А. С. Лавинский начал службу гвардии сержантом в 1778 г., в армию был выпущен капитаном 11 июня 1791 г. В 1790 г. участвовал в компании против шведов. Участник военных действий 1791 и 1795 гг. в Молдавии, где получил в 1795 г. звание майора, и 1796 г. Польше. С военной службы был уволен 31 декабря 1797 г. по собственному желанию [19, л. 3–4].

Н. И. Перовский службу начал по гражданскому ведомству. В 1807 г. был определен в Сумской гусарский полк корнетом. В этом же году участвовал в военной компании против французов. Участник сражения при местечке Бутитал в Восточной Пруссии, состоявшегося 24 мая 1807 г., где был ранен и по ранению уволен с причислением к Коллегии иностранных дел [21, л. 140–143].

Д. В. Нарышкин был зачислен в 1810 г. в лейб-гвардии Семеновский полк подпрапорщиком, 8 марта 1812 г. получил звание прапорщика и был назначен адъютантом к генерал-лейтенанту Н. Н. Раевскому. С началом Отечественной войны 1812 года был адъютантом у М. С. Воронцова. Участвовал в Бородинском сражении, за что был награжден орденом св. Анны 4 класса. Участник заграничного похода против французов, во время которого получил французский орден св. Людовика, прусский орден «Pour le Mérite» [«За заслуги»] и шведский Орден Меча. С 1813 по 1816 гг. прошел путь от поручика до капитана, 8 июля 1819 г. получил звание полковника и был переведен в Новоингерманландский пехотный полк, расквартированный в Херсоне. Был уволен с военной службы для определения к гражданским делам 26 июня 1823 г. [24, л. 2–3].

А. И. Казначеев начал службу в гражданском ведомстве в канцелярии попечительства Санкт-Петербургского учебного округа. Участник Отечественной войны 1812 г., исполнял должность ординарца при М. И. Кутузове. Принимал участие в Бородинском сражении, за что получил орден св. Анны 4 степени на шпаге. Участник заграничного похода против французов. В 1815 г. был адъютантом у начальника главного штаба армии генерал-лейтенанте И. И. Дибиче, в этом же году старшим адъютантом в дежурстве Его Императорского Величества, позже был переведен в лейб-гвардии Павловский полк. В 1815 г. служил старшим адъютантом в Отдельном корпусе во Франции, в 1816 г. получил звание полковника. В 1819 г. был назначен дежурным штаб-офицером в Гвардейском отдельном корпусе. Был переименован в статские советники в 1824 г. Участвовал в сражениях при Тарутино, осаде Дрездена, в битве при Борне и Лейпциге [26, л. 1–5].

М. М. Муромцов поступил в лейб-гвардии Измайловский полк подпрапорщиком в 1807 г. Участник Бородинского сражения, за что был награжден орденом Св. Владимира 4 степени с бантом. Принимал участие в заграничном походе против французов. Участвовал в сражении под Бауценом и Кульмом, за что был награжден прусским орденом «Pour le Mérite» [«За заслуги»] и орденом св. Анны 2 класса. В

1816 г. в чине полковника был назначен в Кабардинский пехотный полк. В январе 1817 г. был уволен со службы из-за ранений с пенсионом и мундиром [25, л. 1–5].

Одиннадцатый таврический губернатор – В. И. Пестель 13 июня 1813 г. [в возрасте 16 лет] был произведен корнетом и зачислен в Кавалергардский Ее Величества полк. С 1813 по 1824 гг. дослужился до звания полковника и 14 июня 1826 г. был назначен флигель-адъютантом Его Императорского Величества. 6 октября 1831 г. получил звание генерал-майора и был определен в Кирасирскую дивизию. В 1834 г. ему было приказано состоять при кавалерии. 26 декабря 1836 г. его причислили к Министерству внутренних дел для назначения при вакансии гражданским губернатором с сохранением военного чина и мундира и получаемого содержания по званию бригадного командира. Участвовал в битве под Лейпцигом, Франкфуртом и взятии Парижа. Состоял в войсках, которые принимали участие в подавлении польского восстания 1830–1831 гг., в числе прочих участвовал во взятии Варшавы, находился в военных формированиях подавлявших восстание декабристов на Сенатской площади [22, л. 52–59].

Данные формулярных списков показывают, что служба в армии считалась фактически необходимым условием для занятия высоких гражданских постов. Но необходимо учитывать тот факт, что большинство дворян должны были встать вместе с другими сословиями на защиту Отечества в борьбе с Наполеоном. Таврические губернаторы занимали различные посты в армии. Большинство из них прошли серьезную школу военной подготовки, что, безусловно, помогало им в управлении губернией играющей важное стратегическое значение.

При Николае I берется курс на «милитаризацию» губернаторского корпуса, и к 1837 г. люди с военными чинами занимают уже около трети губернаторских постов. В этот период также происходит явная эволюция института губернаторства, рост числа военных губернаторов и сокращения гражданских. Это явилось последствием милитаристской политики Николая I. Одним из типичных представителей губернаторской власти этой эпохи был В. И. Пестель. Назначенный в должность таврического губернатора в звании генерал-майора, он управлял губернией в течение 9 лет. Занимая пост губернатора, получил звание генерал-лейтенанта. На 1 января 1853 г. в Российской Империи числилось 58 губернаторов, из них 30 (51,7%) были генералами, причем, как правило, «военными и гражданскими». За исключением двух: харьковского губернатора А. С. Траскимна и таврического генерал-лейтенанта В. И. Пестеля. Имея военное звание, они занимали пост гражданских губернаторов [7, л. 150].

Для более глубокого анализа губернаторского корпуса Таврической губернии следует обратиться к возрастным данным о губернаторах. Данные сгруппированы по методике П. А. Зайончковского и представлены в процентном и количественном выражениях. Смотри таблицу 1.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что во время правления Александра I все губернаторы Тавриды были в возрасте до 45 лет. А вот во время царствования Николая I возраст назначаемых на эту должность постепенно увеличивается, перемещаясь из группы 41–45 лет, в 46–50. Кроме того отличительной чертой Таврической губернии является тот факт, что в период с 1802 по 1853 год ни одни гу-

бернатор ко времени своего назначения не был старше 50 лет. Это можно объяснить тем, что многие из определяемых на этот пост, рассматривали его как ступеньку в карьерной лестнице. Губернаторы служили под руководством не только Министерства внутренних дел, но и херсонского, а позже новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Чиновники, занимавшие пост генерал-губернатора, были виднейшими государственными деятелями эпохи и могли способствовать быстрому продвижению по карьерной лестнице. Такие генерал-губернаторы как А. Э. Ришелье, М. С. Воронцов, А. Ф. Ланжерон олицетворяли целую эпоху и внесли огромный вклад в развитие страны. В этой связи особое внимание обращает на себя время генерал-губернаторства М. С. Воронцова [8]. Опытнейший администратор играл важную роль в формировании чиновничьего корпуса южных губерний Российской империи. Трое из четырех губернаторов, назначенных в Крым, во время его пребывания в должности новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, получили назначение непосредственно по его протекции. Д. В. Нарышкин, А. И. Казначеев, В. Я. Рославец были лично знакомы с М. С. Воронцовым до своего назначения в Крым. Первый из них был его родственником. На ключевые должности назначались люди, которые либо служили под его начальством в армии, как например А. И. Казначеев, либо были отмечены им во время гражданской службы, как В. Я. Рославец. Этот факт показывает, насколько губернаторы Тавриды зависели от генерал-губернатора и роль механизма протекции при назначении чиновников. На эту особенность административного устройства Российской империи указывал исследователь из США – Джордж Йени. Он утверждал, что «механизм реализации самодержавной власти осуществлялся делегированием власти доверенным лицам на всех уровнях государственного управления» [1, с. 221–228]. Это позволило ему назвать государственный аппарат Российской империи «правительством царских агентов» [1, л. 221–224].

Еще одним немаловажным показателем является время пребывания в должности. Данные представлены в таблице 2.

Из таблицы следует, что показатели разделились примерно равно по всем группам. Если же сравнивать с данными по всей стране, то заметно, что должность губернатора Тавриды чиновники занимали менее продолжительное время. Это подтверждает предположение, что данный пост рассматривали как ступень в карьерной лестнице.

На протяжении двухсотлетнего периода существования губерний, за редким исключением, приоритет отдавался губернаторам с военным образованием. Со второй половины XIX в., серьезное внимание МВД обращалось на приобретение губернаторами университетского и юридического образования, как наиболее отвечающего содержанию данной профессии. Образовательный уровень губернаторов стал серьезным критерием кадровой политики государства, но никогда не являлся приоритетным для определения в должность. Смотри таблицу 3.

В указе 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» говорилось: «Ни в какой губернии спустя пять лет <...> никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище» [16]. Однако данный указ не улучшил ситуации и вызывал

серьезно недовольство в чиновничьей среде. Многие из них не имели возможности учиться или же просто не хотели. В результате появился указ 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские ассессоры и статские советники». Генерал-губернатор А. Ф. Ланжерон 5 декабря 1817 г. обращался к губернатору А. С. Лавинскому с требованием соблюдать данный указ: «Императорский Харьковский университет имеет сведение, что в Таврической губернии в гражданскую службу принимаются люди, не окончившие учения в публичных училищах. [...] Прошу покорнейше вас сделать распоряжение, дабы люди не окончившие какое-либо училище не были принимаемы в гражданскую службу» [2, л. 1–2]. В ответ А. С. Лавинский пытался объяснить, что в губернии просто нет нужного количества чиновников, которые получили бы необходимое образование, на что А. Ф. Ланжерона сообщал: «Я весьма охотно принял бы на себя ходатайство о допущении исключительного права принимать в статскую службу по Таврической губернии людей, не окончивших курса наук в любом общественном училище. Но такое право может дать повод уклоняться некоторым родителям от воспитания детей, ибо полагаю, что означенный в отношении моем от 5 декабря №1936 закон издан для распространения лучшего обучения. Впрочем, вы должны руководствоваться данным указом, для научения канцелярских чиновников» [2, л. 5–6]. Оба эти закона не могли получить должной поддержки в обществе и фактически не исполнялись. Именно поэтому были отменены в 1834 г., когда было издано «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» [7, с. 153].

Из губернаторов получивших высшее образование нужно отметить нескольких. Г. П. Милорадович был отправлен для получения образования в Германию. Уже в десятилетнем возрасте он оказался в Кенигсберге, вместе со своим двоюродным братом Михаилом Андреевичем Милорадовичем будущим генералом и героем Отечественной войны 1812 года. Сначала они обучались в Кенигсберге на протяжении 4 лет под руководством И. Канта, потом в течение 2 лет в Геттингене. Любимыми предметами будущего губернатора были исторические и политические науки, а так же французский, немецкий и латинский языки. Кроме того они слушали курсы о военном деле и фортификации в Страсбурге, Меце и Париже. Всего за границей он обучался в 9 лет [15, с. 92–94].

Образование высокого уровня для изучаемого периода получил и А. М. Бороздин. Он окончил Кембриджский университет. Сведений о времени его обучения нами не обнаружено. Высокое образование таврического губернатора отмечали все его современники. Его по праву считают одним из первых, кто создал правильно организованные виноградники и сады в Крыму. Кроме того именно во время его губернаторства был создан Никитский ботанический сад. Вот как А. М. Бороздина характеризовал писатель, историк П. П. Свиньин, побывавший в южнобережном имении губернатора: «В Кучук-Ламбате, у Андрея Михайловича Бороздина, самый прихотливый житель столицы может получить понятие о наслаждениях жизни в сем краю, может увидеть соединение изящного вкуса, опытности, просвещения – с прелестною, роскошною природою. Кучук-Ламбат есть будуар всего Крыма! Поймете сие выражение, когда скажу вам, что почтенный владелец

оного получает более десяти журналов (в том числе и иностранные), и помощью сих телескопов, из кабинета своего, из-за неприступной стены Аюдага – видит ход политики и просвещения в целом мире, – есть гражданин вселенной» [29, с. 123–124].

В. Я. Рославец обучался в Московском университетском благородном пансионе и непродолжительное время в самом университете, из-за сложного финансового положения вынужден был начать службу в Министерстве народного просвещения [25, л. 1–2].

Для того, что бы понять каким был профессиональный уровень губернаторов, стоит обратить внимание на то, какие должности они занимали и непосредственно с какого поста получали назначение на должность главы губернии. Обращаясь к этому вопросу, нужно учитывать некоторые факты. Первый – Таврическая губерния являлась пограничной, второе – на развитие данного исторического периода серьезно влияние оказали Наполеоновские войны и постоянная борьба с Османской империей. Третье – непосредственный контроль деятельности таврических губернаторов со стороны херсонского, а позже новороссийского и бессарабского генерал-губернаторов.

Из 11 руководителей Таврической губернии изучаемого периода 3 начинали службу в гражданском ведомстве, остальные в военном. Этот факт характеризует в целом изучаемую эпоху, хоть и во время правления Александра I сокращается численность военных, занимающих гражданские посты. Особый интерес вызывает служебный опыт губернаторов. Двое из 11 губернаторов вообще не имели опыта административной работы – А. М. Бороздин и Д. В. Нарышкин. Первый – сам стремился получить должность в Крыму, второй получил это назначение благодаря своему родственнику М. С. Воронцову. Д. В. Нарышкину был необходим мягкий климат из-за ранений, полученных во время Наполеоновских войн. Остальные имели опыт административной работы на различных должностях.

Пять губернаторов до своего назначения занимали должности, которые позволяли им в той или иной степени познакомиться с крымскими делами. Д. Б. Мертваго занимал пост надзирателя крымских соляных озер, Н. И. Перовский был таврическим вице-губернатором и феодосийским градоначальником. Феодосийским градоначальником был и А. И. Казначеев. Пост херсонского гражданского губернатора до своего назначения в Крым занимали В. Я. Рославец и В. И. Пестель. Последний так же был и херсонским военным губернатором.

Шесть губернаторов, до своего назначения, имели опыт работы в центральных органах власти – Д. Б. Мертваго, А. С. Лавинский, Н. И. Перовский, А. И. Казначеев, М. М. Муромцов, В. Я. Рославец. Половина служивших в органах центральной власти, приходится на период правления Николая I. Это свидетельствует об усилении централизации власти. В период правления Николая I трое из четырех назначенных губернаторов занимали аналогичные посты в других губерниях. Данный факт иллюстрирует усиление роли Министерства внутренних дел и о том что в империи была создана целая система подготовки кадров на должность губернаторов.

Так же следует изучить такие показатели как вероисповедание и национальное происхождение таврических губернаторов. На 1853 г. в сословном отношении все губернаторы Российской империи являлись потомственными дворянами. По веро-

исповеданию 39 губернаторов были православными (83%) и 9 – лютеранами [7, с. 72]. В Таврической губернии все губернаторы, кроме В. И. Пестеля были православными. Владимир Иванович был лютеранином и немцем по происхождению. Три губернатора были выходцами из Украины. Г. П. Милорадович из черниговского дворянства, Н. И. Перовский – внебрачный сын Алексея Кирилловича Разумовского, и В. Я. Рославец был сыном помещика Глуховского уезда Черниговской губернии – Якова Васильевича Рославца. Остальные были дворянами российского происхождения: Д. Б. Мертваго из Оренбургской; А. С. Лавинский – внебрачный сын Степана Сергеевича Ланского и А. Н. Баранов – представители крупного дворянского рода, имеющего имения по всей империи; Д. В. Нарышкин из Калужской; А. И. Казначеев, М. М. Муромцов и А. М. Бороздин из Рязанской, В. И. Пестель из Смоленской губерний.

Рассмотрим финансовое положение губернаторов. По данным «Общего штата губернских и уездных присутственных мест», установленного в 1800 г. для 35 губерний I разряда и 7 губерний II разряда (Петербургской, Литовской, Выборгской, Курляндской, Эстляндской, Лифляндской и Иркутской). В этих губерниях устанавливался повышенный оклад. Так, начальники губерний, относящихся к I разряду, получали 1800 руб. жалованья и 1200 руб. столовых, а II разряда – 2250 руб. жалованья и 1800 руб. столовых. Жалованье вице-губернатора в губерниях I разряда составляло 1200 руб., II разряда – 1875 руб. [7, с. 73–74].

В среде высшей бюрократии возраст, а с ним и продвижение по службе автоматически не обеспечивали возможности обогащения. Основным источником приобретения недвижимого имущества в начале XIX в. было получение его по наследству. Одним из самых богатых губернаторов Тавриды был Г. П. Милорадович. Он покинул гражданскую службу с желанием заняться управлением своими обширными имениями. Владел около 8 тыс. крепостных, доставшихся ему в наследство от отца и матери в Черниговской губернии. Кроме того ему принадлежал город Любеч, в котором он развивал торговлю, а обороты от нее исчислялись сотнями тысяч рублей в год. Сам приобрел земли в Екатеринославской губернии. Д. Б. Мертваго был владельцем небольшого родового села – Мертовщины, в Оренбургской губернии, с 56 крепостными мужского пола. А. М. Бороздин был одним из самых крупных помещиков в Таврической губернии. Его имение Саблы было известно своими садами и промышленными заведениями. Кроме того ему принадлежало имение Кучук-Ламбат на Южном берегу Крыма. На полуострове у него было 184 и в Псковской губернии 328 крепостных крестьян [23, л. 2]. А. С. Лавинский имел в Костромской губернии Буевского уезда в деревнях Любимцовой и Троицкой 80 душ крестьян и каменный дом в Санкт-Петербурге [27, л. 12–13]. Он всю жизнь испытывал финансовые сложности, все его имущество было заложено. Его дочь Елизавета Александровна Лавинская после смерти отца вынуждена была обратиться к Николаю I с просьбой о пансионе. Отец, посвятивший всю жизнь службе государству, не оставил ничего кроме долгов [18, л. 29–30]. О количестве крепостных у Н. И. Перовского информации нет, но известно что он был достаточно состоятельным человеком, после отставки с гражданской службы проживал в своем имении Алькадар в с. Бельбек Симферопольского уезда. Д. В. Нарышкин имел 1300 крестьян мужского

пола [24, л. 2–3]. А. И. Казначеев был хозяином родовых имений в Рязанской и Тверской губерниях с 125 крестьянами, виноградных садов в Судакской долине и Ялтинском уезде при деревне Кизилташ [26]. М. М. Муромцов имел наследственные имения в Рязанской и Тульской губерниях с 940 крестьянами и приобретенные земли в Саратовской губернии. В. Я. Рославец был владельцем земель в Глуховском уезде Черниговской губернии с 203 крестьянами мужского пола [25, л. 1]. В. И. Пестелю принадлежали 300 крестьян в Витебской губернии, заложенных в банк [22, л. 53–54]. Фактор финансового благополучия учитывался при назначении в Крым, т. к. жизнь в этом краю была достаточно дорогой. Например, при назначении А. М. Бороздина центральные власти руководствовались его прочным финансовым положением, т. к. его предшественник – Д. Б. Мертваго постоянно жаловался на недостачу денежного содержания.

Представители высшей бюрократии, начиная от действительного статского советника, часто получали дополнительный вид содержания под названием «аренды». «Аренда» назначалась по «высочайшему повелению» иногда пожизненно, иногда на какой-либо определенный срок. «Аренда» заменяла собой земельные пожалования и представляла собой своеобразную земельную ренту, которую данное лицо получало за якобы пожалованную ему землю. Размеры «аренды» были весьма различны: от нескольких сот руб. до нескольких тысяч, не превышая, как правило, 5 тыс. руб. Эти данные, как и все последующие, характеризуют размер годового содержания. «Аренду» получали Д. Б. Мертваго, А. С. Лавиский, В. И. Пестель. Наряду с «арендой» земельные пожалования, особенно в первой половине века, продолжали существовать главным образом в виде пожалования земель на окраинах или майоратских имений в Царстве Польском. Земельное пожалование получал Д. Б. Мертваго, но т. к. он не владел достаточным количеством крестьян, то вынужден был продать эти земли.

Формулярные списки содержат информацию о том, привлекался ли чиновник к судебным разбирательствам. Ни в одном из формуляров таврических губернаторов нет данных о том, что они находились под следствием. Однако такой прецедент имел место быть. Третий таврический губернатор – А. М. Бороздин за растрату средств, выделенных на строительство Александро-Невского кафедрального собора в Симферополе, был временно отстранен от должности. На время следствия его имущество было арестовано. В конце концов, губернатор был оправдан, но эти события стали поводом к его отставке. Почему данный факт не был занесен в формулярный список неизвестно.

Не менее интересным и важным является вопрос о том, где продолжили службу таврические губернаторы после своей отставки. Г. П. Милорадович – занялся собственным хозяйством и стал одним из самых крупных землевладельцев Черниговщины [15, с. 97–99]. Д. Б. Мертваго покинув Таврическую губернию, продолжил службу с 1807 по 1810 гг. в должности генерал-провиантмейстера. Из-за постоянных конфликтов с А. А. Аракчеевым, занимавшего пост военного министра «в исходе марта месяца 1810 года получил отставку [...] с мундиром и половинным жалованьем» [14, с. 197]. В 1817 г. был назначен сенатором, возглавлял ревизию во Владимирской, Астраханской и Кавказской губерниях [14, с. 219–222]. Продолжил службу

в Сенате после отставки и А. М. Бороздин. С 20 июля 1816 по 2 ноября 1828 гг. он числился в межевом департаменте, однако в Сенате фактически не присутствовал, живя в своих имениях в Крыму [12].

Иначе сложилась судьба А. С. Лавинского. В 1822–1833 гг. он занимал пост Восточно-Сибирского генерал-губернатора. После отставки с этого поста, 6 декабря 1833 г. получил назначение в Сенат. Наивысшую должность в своей карьере получил 1 января 1836 г., когда ему было повелено быть членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел. Кроме того он был членом Совета учрежденного при Воспитательном обществе благородных девиц и Санкт-Петербургского Ордена Св. Екатерины; Комитета учрежденного для составления статута Ордена Св. Станислава; членом Думы знака отличия беспорочной службы; почетным опекуном Санкт-Петербургского опекунского совета. Исправлял должность председательствующего и управляющего Санкт-Петербургской Сохранной казной [18, л. 12–19].

Н. И. Перовский после увольнения 24 марта 1825 г. был причислен к ведомству государственной Коллегии иностранных дел. Но уже 25 ноября 1841 г. «высочайше повелено по неимению им в Министерстве иностранных дел занятия в ведомстве оного больше не считать» [21, л. 146]. Д. В. Нарышкин после отставки службу не продолжал. А. И. Казначеев 22 февраля 1845 г. был утвержден предводителем дворянства Таврической губернии. С 1848 по 1854 гг. занимал пост градоначальника Одессы. С 29 ноября 1856 г. был членом комиссии, наблюдавшей за постройкой храма Христа Спасителя в Москве. Завершающей вехой его карьеры стало занятие поста управляющего сохранной и сберегательной кассой при Московском Воспитательном Доме [26, л. 1–5]. М. М. Муромцов после отставки сосредоточился на управлении собственным имением [4, с. 31–40]. В. Я. Рославец в 1845–1848 гг. продолжил службу Херсонским гражданским губернатором [5, с. 234]. В. И. Пестель после увольнения с должности губернатора получил назначение в Сенат [22, л. 59].

Проведенный анализ показывает, что тенденции в Таврической губернии соответствовали общеимперским. Продолжала существовать практика назначения в должность губернатора людей, не имеющих опыта административной работы. Уровень образования губернаторов оставлял желать лучшего. Среди всех губернаторов Тавриды изучаемого периода не было ни одного с юридическим образованием. Именно изучение юриспруденции считалось оптимальным для чиновников занимавших высшие административные посты. Но, несмотря на это, общий уровень профессиональной подготовки был достаточным. Факт того, что в изучаемый период в Таврическую губернию не было отправлено ни одной сенатской ревизии, говорит о том, что в губернии не было серьезных нарушений, а центральные власти доверяли Таврическим губернаторам. (Оговорим, что ревизия, проводимая в 1822 г. В. И. Брозиным в Таврической и Екатеринославской губерниях, была направлена на поиски путей к улучшению продовольственного положения населения [10, с. 505]). Отсутствие сенатских ревизий можно объяснить и тем, что губернатор контролировался херсонским, а позже Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором.

Особенностью высшей административной должности в Таврической губернии было то, что одни из губернаторов рассматривали пребывание в Крыму как работу

**ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

на завершающем этапе своей службы, другие как шаг по карьерной лестнице. Большая часть губернаторов были в среднем моложе, чем в целом по стране. Администраторы на юге России должны были проявлять незаурядную гибкость, инициативу и трудолюбие для решения сложных проблем. Их деятельность должна была способствовать быстрому развитию юга Российской империи.

Таблица 1.

Возрастная характеристика губернаторского корпуса

возраст	Возраст губернаторов									всего
	до 40	41-45	46-50	51-55	56-60	61-65	66-70	более 70	н/д	
Количество губернаторов	5	3	3	-	-	-	-	-	-	11
в процентном соотношении	46%	27%	27%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	100%
Показатели по империи на 1825 г.	14%	30%	30%	14%	8%	0%	0%	0%	5%	100%
Показатели по империи на 1837 г.	9%	17%	22%	22%	4%	0%	0%	0%	26%	100%

Таблица 2.

Срок пребывания губернаторов в должности

Период/лет	Срок пребывания в должности							всего
	Менее 1	1-2	3-4	5-8	9-15	Более 15		
По Таврической губернии	2	2	2	3	2	-	11	
В процентном соотношении	18%	18%	18%	28%	18%	0%	100%	
Показатели по империи в 1825 г.	0%	6%	29%	21%	32%	12%	100%	
Показатели по империи 1837 г.	0%	0%	26%	32%	21%	21%	100%	

Таблица 3.

Образовательный уровень губернаторов

	Образование губернаторов					всего
	домашнее	начальное	среднее	высшее		
По Таврической губернии	2	1	5	3	11	
В процентном соотношении	18%	9%	45%	28%	100%	
Показатели по империи 1825 г.	14,3%	0%	21,4%	64,3%	100%	
Показатели по империи 1837 г.	0%	0%	0%	100%	100%	

Список использованных источников и литературы

1. Yaney G.L. The systematization of Russian government; social evolution in the domestic administration of Imperial Russian, 1711–1905. Urbana, 1973. 324 p.
2. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3204.
3. Государственная канцелярия (1802–1902). СПб., 1902.

- Gosudarstvennaja kanceljarija (1802–1902). SPb., 1902.
4. Грачева И. В. «В полях забытые усадьбы...». Баловнева и его владельцы// Наука и жизнь. 2002. №4. С. 31–40.
- Gracheva I. V. «V poljah zabytye usad'by...». Balovneva i ego vladel'cy// Nauka i zhizn'. 2002. №4. S. 31–40.
5. Губернии Российской империи. История и руководители, 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 343 с.
- Gubernii Rossijskoj imperii. Istorija i rukovoditeli, 1708–1917. M.: Ob#edinennaja redakcija MVD Rossii, 2003. 343 s.
6. Ерочкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение». 3-изд, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
- Eroshkin N. P. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii: Uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij po special'nosti «Istoriko-arhivovedenie». 3-izd, pererab. i dop. M.: Vysshaja shkola, 1983. 352 s.
7. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.
- Zajonchkovskij P. A. Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v. M., 1978. 288 s.
8. Захарова О. Ю. Светлейший князь М. С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-информ, 2004. 320 с.
- Zaharova O. Ju. Svetlejshij knjaz' M. S. Voroncov. Simferopol': Biznes-inform, 2004. 320 s.
9. Иванов В. А. Губернское чиновничество 50–60-х гг. XIX в. в России. Историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994. 232 с.
- Ivanov V. A. Gubernskoe chinovnichestvo 50–60-h gg. XIX v. v Rossii. Istoriko-istochnikovedcheskie ocherki. Kaluga, 1994. 232 s.
10. История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 4. 724 с.
- Istorija Pravitel'stvujushhego Senata za 200 let, 1711–1911 gg. SPb., 1911. T. 4. 724 s.
11. Киселев И. Н., Мироненко С. В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. Сборник. Вып. 9. М.: Знание, 1986. С. 6-31.
- Kiselev I. N., Mironenko S. V. O chem rasskazali formuljarnye spiski // Chislo i mys'. Sbornik. Vyp. 9. M.: Znanie, 1986. S. 6-31.
12. Линниченко И. А. К биографии Таврического губернатора генерал-лейтенанта Андрея Михафловича Бороздина// ИТУАК. 1913. №. 50. С. 191–201.
- Linnicheko I. A. K biografii Tavricheskogo gubernatora general-lejtenanta Andreja Mihaflovicha Borozdina// ITUAK. 1913. №. 50. S. 191–201.
13. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII –начало XX в). М. изд-во МПГУ, 2001. 358 с.
- Lysenko L. M. Gubernatory i general-gubernatory Rossijskoj imperii (XVIII –nachalo XX v). M. izd-vo MPGU, 2001. 358 s.
14. Мертваго Д. Б. Записки (1760–1824) / подг. С. Д. Дзюбанов, Г. Г. Мартынов. СПб.: Русская симфония, 2006. 368 с. (Серия: «Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук»).
- Mertvago D. B. Zapiski (1760–1824) / podg. S. D. Dzubanov, G. G. Martynov. SPb.: Russkaja simfoniya, 2006. 368 s. (Serija: «Knizhnye pamjatniki iz fondov Biblioteki Akademii nauk»).
15. Милорадович Г. А. О роде дворян и графа Милорадович. К., 1871. 159 с.
- Miloradovich G. A. O rode dvorjan i grafa Miloradovich. K., 1871. 159 s.
16. П.С.З., 1, Т. 27, №20597.
- P.S.Z., 1, T. 27, №20597.
17. П.С.З., Т. 16., №12030.
- P.S.Z., T. 16., №12030.
18. РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 277.
- RGIA, f. 1162, op. 6, d. 277.
19. РГИА, ф. 1249, оп. 4, д. 219.
- RGIA, f. 1249, op. 4, d. 219.
20. РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 108.
- RGIA, f. 1286, op. 1, d. 108.
21. РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1688.

RGIA, f. 1349, op. 3, d. 1688.

22. РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1692.

RGIA, f. 1349, op. 3, d. 1692.

23. РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 117.

RGIA, f. 1349, op. 4, d. 117.

24. РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 199.

RGIA, f. 1349, op. 4, d. 199.

25. РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 432.

RGIA, f. 1349, op. 4, d. 432.

26. РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 442.

RGIA, f. 1349, op. 4, d. 442.

27. РГИА, ф. 1349, оп. 5, д. 595.

RGIA, f. 1349, op. 5, d. 595.

28. РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 277.

RGIA, f. 1162, op. 6, d. 277.

29. РГИА, ф. 660, оп. 1, д. 144.

RGIA, f. 660, op. 1, d. 144.

30. Свиньин П. П. Знакомства и встречи на южном берегу Тавриды// Отечественные записки. 1825. № 66. С. 124–123.

Svin'in P. P. Znakomstva i vstrechi na juzhnom beregu Tavridy// Otechestvennye zapiski. 1825. № 66. S. 124–123.

31. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIIв.: формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 397 с.

Troickij S. M. Russkij absoljutzizm i dvorjanstvo v XVIIv.: formirovanie bjurokratii. M.: Nauka, 1974. 397 s.

Kravchuk A. S. The corps of Taurida governors in the first part of XIX century / A. S. Kravchuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 34–48.

Approach in the selection of officials for the post of governor is extremely important. The study of this process will help in understanding the reasons for the rapid development of the southern Russian Empire. One of the most important sources of information for this study are the official lists of governors. This source category includes information about the major milestones of career civil servants, their social background, religion, rank, stay on vacation or retirement, marital status, being under court or collecting penalties, rewards, promotions and reprimand, participation in military campaigns, property status. In the period under study - from the creation of the province in October 8, 1802 and before the start of the Crimean War in 1853-1856. The position of the governor took 11 people.

During the reign of Alexander I, most of the officials held Patriotic War of 1812, and after 1815 it was nominated from among the war scooped footage of the government apparatus. These formulary lists show that military service was considered virtually a prerequisite for a class of high civic positions. Under Nicholas I, taken a course on the "militarization" of governors, and in 1837 people with military officials already occupy about a third of governorships.

Governors received higher education is necessary to note a few. G. P. Miloradovich studied at the University of Königsberg, Göttingen, Strasbourg and Paris. A. M. Borozdin graduated from Cambridge University. High education Taurida governor noted all his contemporaries. V. Y. Roslavetz studied at Moscow university boarding school and a short time at the university, because of the difficult financial situation had to start service in the Ministry of Education.

From 11 leaders of the Taurida province study period 3 began service in the civil department, and the rest in the military. Five governors until his appointment held positions that allowed them to some extent to meet with the Crimean affairs.

The analysis shows that the trends in the Taurida province corresponded empire-wide. Continued to exist in the practice of appointing as governor of people who do not have administrative experience. Level of education governors left much to be desired. Among all the governors of Taurida study period there were no with

a legal background. It is the study of jurisprudence was considered optimal for officials occupying senior administrative positions.

In the Taurida province was not sent to any revision of the Senate, said that in the province have been no serious violations, and the central government distrusted Taurida governors in the study period.

Feature of the higher administrative positions in the Taurida province was that some of the governors consider staying in the Crimea as a job at the final stage of his life, the other as a step on the career ladder. Most of the governors were on average younger than the national average.

Keywords: Taurida province, Governor of Taurida, G. P. Miloradovich, D. B. Mertvago, A. M. Borozdin, A. S. Lavinsky, A. N. Baranov, N. I. Perovsky, D. V Naryshkin.